

ческой обусловленности. И завершается второй абзац элементарным осложненным (деепричастным оборотом) предложением.

Знание синтаксических “кирпичиков” необходимо для создания текста (без кирпичей здания не построишь), но им не исчерпываются условия, определяющие создание хорошего текста. Пишущему требуется высокий уровень логического мышления, знание предмета своего описания, владение стилистическими приемами композиции текста.

Мы полагаем, что синтаксист призван изучать и описывать синтаксические структуры, входящие в синтаксическую систему языка, то есть анализировать текст на структурно-синтаксическом уровне. Осмысление текстовых композиций, создаваемых из таких структур (нормативность / ненормативность, эффективность / неэффективность и т.п.) выполняются уже на уровне смыслового членения текста в рамках стилистики и прагматики текста.

Литература

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Многокомпонентные сложные предложения как микротекст. Воронеж, 2003.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Самара, 1993.

М.П. ОДИНЦОВА

Омский государственный университет

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ФОРМЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В РУССКОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Развернутое учение о грамматических категориях предложения остается пока делом будущего.

Е.С.Скобликова

В отечественной грамматической теории на протяжении последних десятилетий критически переоцениваются многие традиционные понятия и классификации. Этот процесс, в целом плодотворный, коснулся и понятия синтаксического субъекта (лица).

Вопрос о синтаксическом субъекте русского простого предложения обсуждается в ряду других проблем синтаксиса, с которыми он непосредственно связан, а связан он прежде всего с проблемой конструктивно-грамматической основы (базы) предложения и ее отвлеченного грамматического значения (чаще всего называемого предикативностью); с проблемами взаимодействия морфологии и синтаксиса, лексической семантики и грамматической структуры, в конечном же счете — с проблемой конституирующих признаков центральной единицы синтаксиса — предложения.

Анализ некоторых относительно новых точек зрения по вопросу о синтаксическом субъекте, содержащийся в настоящей статье, подчинен задаче поиска грамматических критериев определения синтаксического субъекта как в плане содержания, так и в плане выражения.

Следует начать с того, что термин “синтаксический субъект” имеет в современном языкознании не одно, а несколько значений, отражающих в общем не столько субъективизм исследователей, сколько объективно разные, хотя и взаимосвязанные, стороны структуры и семантики элементарных коммуникативных единиц речи.

Более или менее определившимися в русистике можно считать следующие значения: 1) субъект — “действующее лицо”, “производитель действия”, “агент”, “реальный субъект”; он может быть выражен как именительным, так и косвенными падежами: *Студент решил задачу — Задача решена студентом; У меня занятия — Я занимаюсь*; 2) субъект — “подлежащее”, “синтаксическое лицо”, “грамматический субъект”; это главный член двусоставного предложения, выраженный именительным падежом слова с предметным значением: *Человек мечтает; Город хорошеет*; 3) субъект — “предикативно характеризуемый предмет”, т. е. предмет, относительно которого что-либо утверждается или отрицается в сказуемом (предикате), “логический субъект”: *Будет дождь; Дождя не будет; Хлопот хватает; Мне грустно*; 4) субъект — “тема”, т. е. данная, известная говорящему и адресату речи часть содержания высказывания, “психологический субъект”: *У нас праздник; Приехало 20 человек; В парке пустынно*; 5) субъект — “говорящее лицо, автор высказывания; формами представления его служат прежде всего личные местоимения 1-го лица и соответствующие личные формы глагола: *Мы живем в трудное время; Я люблю свой город*; обнаружить присутствие говорящего, его точку зрения сравнительно легко и в некоторых других “субъективных” элементах речи: во вводно-модальных словах, частицах, в притяжательных место-

имениях *мой, наш. Завтра, по-моему, будет сильный мороз; Ты как будто торопишься? Моя идея была принята всеми.*

К приведенному перечню присоединим замечания Г.А.Золотовой: “Понятие лица (личности) применяется к разным языковым явлениям. Во-первых, это категория лица как один из компонентов, наряду с категориями времени и модальности, понятия предикативности. Во-вторых, категория личности, противопоставляемая категории безличности и, в свою очередь, представленная категориями определенности, неопределенности, обобщенности – как основание классификации простых предложений. В-третьих, система личных форм глаголов, взаимосвязанных с формами местоимений, содержащая иерархию противопоставлений трех лиц друг другу, 1-го и 2-го лица – 3-му, внутри 3-го – личной и безличной его форм; используется некоторыми авторами для построения синтаксической парадигмы простого предложения. В-четвертых, категория лица в противопоставлении нелицу в именах существительных” [Золотова 1973: 157-158].

Н.К.Онипенко, развивая синтаксическую концепцию Г.А.Золотовой, вводит понятие “субъектной перспективы высказывания”, – вслед за В.В.Виноградовым – “субъектной сферы”, “внутренней и внешней точки зрения говорящего”, рассматривает типологию субъектов и называет основания этой типологии: 1) отнесенность субъекта к зоне диктума или зоне модуса; 2) семантико-синтаксический статус субъекта, вытекающий из его онтологического статуса: деление субъектов на конкретные (личные (одушевленные), предметные и пространственные) и отвлеченные (пропозициональные); 3) дифференциальная характеристика субъекта: разграничение определенных, неопределенных и обобщенных субъектов (субъектов класса) [Онипенко 1998: 229-231].

“Тип субъекта, – добавляет Н.К.Онипенко, – обусловлен и регистровой принадлежностью (предназначенностью) предложения” [Онипенко 1998: 230], под которой имеется в виду коммуникативно-жанровая принадлежность высказывания, его диалогичность или монологичность, обобщенный, волюнтивный, реактивный, изобразительный или повествовательно (описательно)-информативный характер содержания. Соответственно выделяются такие типы субъектов, как слушающий, говорящий, авторизатор, каузатор, субъект базовой модели (субъект действия, состояния, качества). Подробно характеризуется тем же исследователем соотношение и взаимодействие разных типов субъекта в высказывании.

Разные смыслы терминов “субъект”, “лицо” отражаются в “Словаре лингвистических терминов” О.С.Ахмановой, достаточно полно

и объективно фиксирующем современное терминопотребление [Ахманова 1966: 330, 462]. Есть сводка “синтаксических лиц” в статье на эту тему Н.Ю.Шведовой [Шведова 1971: 48-56].

Для нас главным является вопрос, можно ли субъект в каком-либо из его многочисленных толкований считать компонентом грамматической структуры и грамматической семантики предложения? На этот вопрос в современных работах по русскому синтаксису мы найдем взаимоисключающие ответы: отрицательный (Н.Ю.Шведова) [Шведова 1971: 48-56] и положительный (Е.А.Седельников, Г.А.Золотова, И.П.Распопов, В.С.Юрченко и др.) [Седельников 1970: 212-226; Золотова 1973: 157-171; Распопов 1969: 92-100; Он же 1970: 32-83; Юрченко 1976: 90-94].

“Лицо (субъект) в предложении является категорией синтаксико-семантической, — пишет Н.Ю.Шведова, — оно принадлежит типизированной смысловой стороне предложения — его семантической структуре — и соответствует тому компоненту информации, в котором заключено представление о деятеле либо носителе признака или состояния” [Шведова 1971: 55]. “...субъект имеет самые различные способы выражения и не является категорией грамматической” [Шведова 1971: 51].

Исключение субъекта из числа существенных грамматических характеристик предложения Н.Ю.Шведова мотивирует разными причинами. Среди них — неудовлетворенность толкованием синтаксического лица в теории предикативности В.В.Виноградова. Основной упрек в адрес этой теории — “неразграничение собственно грамматических, лексико-грамматических и лексико-семантических факторов” [Шведова 1971: 48]. Н.Ю.Шведова отмечает множественность “синтаксических лиц” в работах разных языковедов и множественность способов их выражения. Развивая этот тезис, автор доказывает необязательность каждого из рассмотренных “лиц” для структуры предложения, в то же время — возможность ввести сразу несколько из них в одно предложение.

Н.Ю.Шведова справедливо подчеркивает неграмматичность таких понятий, как “говорящее лицо”, “персонализация” высказывания. Можно согласиться и с некоторыми другими критическими аргументами, приведенными Н.Ю.Шведовой. И все-таки, думается, доказать отсутствие категории грамматического субъекта исследователю не удалось. Самое уязвимое место в доказательствах Н.Ю.Шведовой — низведение подлежащего (главного выразителя категории синтаксического субъекта в традиционном синтаксисе) до понятия “сугубо формального”, якобы совершенно лишённого грамматического значения: “...подлежащее — это

“лицо” сугубо формальное, собственно строевое. Поэтому и деление предложений на личные и безличные (или неличные) относится к их формальному устройству, к строевому соотношению их составов, а не к их грамматическому значению” [Шведова 1971: 54-55]. Отрыв структурной, морфолого-синтаксической базы предложения от его грамматического значения, вытекающий из приведенного утверждения, лишает грамматическое значение его материальной опоры, субстанции.

Разве конструктивно-грамматическое значение предложения не есть то абстрактное значение, которое имеет элементарная синтаксическая схема в соотношении с другими подобными схемами? Если подлежащее (синтаксический субъект) – строевой элемент схемы, следовательно, и оно формирует общее грамматическое значение предложения.

Таким образом, отказ от понимания синтаксического субъекта как одного из компонентов грамматической семантики предложения обошелся Н.Ю.Шведовой неоправданным противопоставлением формы, строения предложения его грамматическому значению.

Присоединяясь к тем исследователям, которые сохраняют за субъектом статус абстрактной конструктивно-грамматической категории простого предложения, рассмотрим некоторые новые идеи, касающиеся этой категории и высказанные лингвистами, стремящимися уточнить традиционные представления о структуре предложения с позиций парадигматической концепции синтаксических единиц.

В целом ряде работ современных синтаксистов-русистов в сферу способов выражения грамматического субъекта включены косвенные падежи, причем для одних исследователей противопоставление прямого и косвенного падежей субъекта оказывается существенным при определении общего грамматического содержания категории, для других – несущественным.

Так, по В.С.Юрченко, “грамматический субъект – это грамматический предмет, который характеризуется предикативным признаком, выраженным через сказуемое” [Юрченко 1976: 90] (сравните это определение с тем значением термина “субъект”, которое дано в начале настоящей статьи под цифрой “3”). Формы грамматического субъекта исследователь делит на исходную, основную – это традиционное подлежащее, выраженное существительным или местоимением в им. падеже, – и неосновные, неспециальные, это дополнения (реже обстоятельства) в творит., дат. и других косвенных падежах. Таким образом, субъектными

в соответствии с этим подходом признаются и традиционные личные двусоставные предложения (*Гроза надвигалась*), и значительная часть безличных (*Старику не спалось; Зажгло дерево грозою; Его стало знобить; Мне грустно; Не догнать тебе бешеной тройки*).

Г.А.Золотова также расширяет понятие синтаксического субъекта (лица) за счет косвеннопадежных форм, что, как и в концепции Юрченко, ведет к количественному перераспределению простых предложений в оппозиции субъектные (личные) – бессубъектные (безличные) в пользу первых. Правда, Золотова, в отличие от Юрченко, пересматривает и традиционные понятия односоставности – двусоставности. Односоставные, с ее точки зрения, это бессубъектные, двусоставные – субъектные, независимо от способа выражения субъекта [Золотова 1973: 165].

Общее во взглядах названных двух лингвистов на категорию синтаксического субъекта – признание несущественности для грамматической семантики этой категории различия прямого (им. п.) и косвенного (другие падежи) способов выражения предикативно определяемого предмета.

В работах Е.А.Седельникова, И.П.Распопова, напротив, этому различию придается важный именно для грамматической семантики предложения смысл. С точки зрения Е.А.Седельникова, мена именительного и косвенного падежей действующего лица или предмета обнаруживает синтаксическую категорию активности – пассивности: *Я думаю – Мне думается; Он встретил подругу – Ему встретилась подруга и Им встречена подруга; Будет гроза – Быть грозе* [Седельников 1970: 225-226].

И.П.Распопов говорит о парадигме синтаксических конструкций “по линии категории лица”, беря за исходные, инвариантные предложения, соответствующие формулам: субъект + предикат и субъект + предикат + объект. Парадигматичны, по Распопову, отношения между предложениями типа: а) *Кто-то постучал в дверь; Дежурный вызвал врача*; б) *В дверь постучали; Вызвали врача*; в) *Лодку уносит в море; Больному не спалось: Волной уносит лодку в море* [Распопов 1969: 96].

Примеры парадигм личных двусоставных предложений по Распопову: 1. *Бухгалтер составляет смету – Смета составляется бухгалтером*. 2. *Я вспоминаю эту историю – Мне вспоминается эта история*. 3. *Он меня торопит – Он торопится*. 4. а. *Отец обнимает сына. Они обнимаются (Отец и сын обнимаются)*; б. *Отец обнимает сына – Отец обнимается с сыном* [Распопов 1970: 73-75]. Грамматический смысл иллюстрированных парадигм двусоставных предложений, по Распопову, – залоговые отношения, затрагива-

ющие не только субъектную, но и объектную позицию в предложении.

Составление синтаксических парадигм, подобных тем, которые приводит И.П.Распопов, основано на признании мотивированности одних построений другими, первичности (ядерности) одних и вторичности (производности) других [Адамец 1966: 76-79; Ружичка 1963: 22-31].

Здесь следует заметить, что смысловая близость прямого и косвенного падежей в структуре предложений — не абсолютно новое наблюдение в современной синтаксической теории [Потебня 1968: 336; Есперсен 1958: 182]. Ново то, что эта близость признается проявлением закономерных системных связей внешне различных построений: что раньше помещалось в разных классификационных рубриках, теперь объединено по принципу грамматического инварианта и вариантов, в частности по принципу семантических, не только формальных оппозиций; при этом качество и количество противопоставляемых единиц считаются мотивированными некоей общей, объединяющей их категорией, закономерно варьирующей свои формы и значения в пределах данного ряда.

Правда, нельзя сказать, что новый, оппозиционно-парадигматический, подход к категории уже увенчался достаточно полными и строгими определениями общего и вариантных грамматических значений этой категории.

Например, толкование общего значения субъекта Г.А.Золотовой, скорее, семантическое, логическое, нежели грамматическое (хотя сам автор синтаксической концепции этого как будто не замечает). Логицизм в подходе к понятию субъекта мы обнаруживаем в рассуждениях Г.А.Золотовой по поводу ряда бессубъектных, с ее точки зрения, предложений: *Морозит. Мороз. Темнеет. Дождь. Весна*. Все эти предложения, по мнению исследователя, сообщают “о некоторых явлениях природы, воспринимаемых языковым сознанием как бессубъектное состояние, состояние само по себе, не связываемое ни с каким носителем...”, все они по этой причине считаются “принципиально односоставными” [Золотова 1973: 160], т. е. бессубъектными, независимо от того, чем выражен их главный член — предметным или непредметным по грамматическому значению словом. Таким образом, главный критерий бессубъектности (и, следовательно, субъектности) не грамматические формы и их отвлеченное грамматическое значение, а “языковое сознание”. Ясно, что с грамматической точки зрения не оправдано отнесение к бессубъектным предложений типа *Мороз, Темень, Сумерки*, так как существительные в их составе обознача-

ют предметные понятия о носителях признаков. Как бессубъектные квалифицируются Г.А.Золотовой и такие традиционно личные двусоставные предложения, как *Наступили сумерки. Идет дождь. Началась весна*. В них тоже якобы “неправомерно видеть обозначение субъекта и его действия”, это, по мнению исследователя, “осуществление бессубъектного состояния” [Золотова 1973: 160].

В статье Е.А.Седельникова, выделяющего не одну, а несколько синтаксических категорий, связанных с характеристикой предикативно определяемого предмета (а именно категории лица, числа, одушевленности – неодушевленности, определенности – неопределенности действующего лица или предмета, активности – пассивности), общего понятия синтаксического лица (субъекта) мы вообще не найдем [Седельников 1970: 225-226]. В результате выделенные автором категории не соотнесены друг с другом, не определена их роль, значимость в структуре и семантике предложения.

Таким образом, вопрос об общем грамматическом содержании категории синтаксического субъекта нуждается в дальнейшей разработке.

Небесспорны, на наш взгляд, некоторые новые идеи относительно частных противопоставлений форм синтаксического лица, подчиненных главной оппозиции: субъектность – бессубъектность.

В работах Е.А.Седельникова, Г.А.Золотовой, В.С.Юрченко релевантной для грамматической характеристики всех простых предложений признана оппозиция личного и неличного субъектов (лица в собственном смысле и нелица). Пример системы (парадигмы) предложений с собственно личными формами субъекта (по Золотовой): *Я пишу; Ты пишешь; Он пишет; Мы пишем* и т. д. Такой системой не располагают, например, предложения *Поезд пришел; Грачи прилетели*. По поводу приведенных примеров уместен вопрос: является ли сочетаемость или несочетаемость какой-либо лексемы в позиции сказуемого с личными местоимениями 1-го и 2-го лица фактом синтаксической структуры, вообще фактом грамматики? Думается, что не является. Перед нами парадигма семантико-синтаксической природы. Характерно, что, разграничивая личный и неличный субъекты, В.С. Юрченко предлагает пользоваться приемом замещения неличного субъекта местоимением *что*, а личного – *кто* и приемом проверки личного субъекта на сочетаемость с глаголами *говорить – сказать* [Юрченко 1976: 91]. Эти приемы особенно наглядно выявляют неграмматический характер противопоставления личного субъекта неличному в структуре предложения.

Грамматическим по признаку лицо – нелицо можно признать противопоставление отдельных разновидностей простых предложений, например традиционно безличных типа 1) *Мне (тебе, нам, вам, человеку) не спится* и 2) *Ветром сорвало листья* [Юрченко 1976: 91]: в первом – с безличным возвратным глаголом состояния сочетается только субъект-лицо, во втором с безличным переходным невозвратным глаголом – субъект-предмет. Эта сочетаемость – несочетаемость – признак соответствующих моделей в их прямых значениях, а не лексем. Личными в собственном смысле являются определенно-личные и неопределенно-личные односоставные (в традиционной классификации) предложения. Однако отмеченные факты носят, на наш взгляд, частный, периферийный характер и систему простых предложений в целом не определяют.

Рассмотренные нами точки зрения на грамматическое содержание и формы категории синтаксического субъекта, попытки ее уточнения и расширения, а также признанные современной теорией традиционные толкования оппозиций личных и безличных, с одной стороны, определенно-личных и неопределенно-личных предложений – с другой, приводят к выводу о наличии у этой категории подкатегорий, о ее сложном строении, о множестве парадигм, составляющих класс субъектных моделей русского простого предложения.

Описать категорию синтаксического субъекта в единстве и взаимодействии всех ее значений и форм – актуальная задача отечественного синтаксиса.

В рамках настоящей статьи определим собственное понимание общего значения и основной конструктивно-грамматической оппозиции, формирующей категорию синтаксического субъекта.

Будем исходить из того, что любая форма синтаксического субъекта в плане содержания обозначает предикативно определяемый предмет, причем предмет в грамматическом смысле. Различая морфологическое понятие “предметность” и синтаксическое “субъект”, подчеркнем: если предметность – постоянное значение любого имени существительного, в том числе местоимений-существительных, то субъект – переменное значение. Иначе говоря, морфологически выраженные предметные понятия, в том числе опредмеченные признаки, действия, отношения, в речи – мысли могут стать, а могут и не стать носителями тех или иных предикативных атрибутов, т. е. субъектами. Чтобы стать синтаксическим субъектом, предметное (в грамматическом смысле) понятие должно сочетаться с понятием, выраженным предикатив-

ным атрибутом. Кроме того, заметим, что в плане выражения синтаксический субъект в русском языке не обязательно отдельная субстантивная словоформа: знак носителя признака может быть включен в словоформу предикативного атрибута (*Иду; Звонят; Подождите*) или может обнаруживаться парадигматически лишь в плане содержания, т. е. быть материально нулевым. Например, в предложении *Сказано — сделано* каждая из двух предикативно употребленных словоформ имплицитно по два семантически неопределенных (обобщенных) материально нулевых субъекта: что и кем сказано — сделано.

Перед тем как перейти к дальнейшей конкретизации понятия синтаксического субъекта, заметим, что искать и сравнивать те или иные способы выражения синтаксического субъекта (или его отсутствие) правомерно только в тех построениях, которые имеют в своем составе позицию предикативно-атрибутивной основы. Последнее понятие, по-видимому, нуждается в уточнении.

Предикативно-атрибутивная основа (ПО) предложения может быть представлена либо самостоятельной глагольной словоформой, либо функционально соотносительным с ней сочетанием словоформ — служебной глагольной и полнозначительной любой другой части речи либо тоже глагольной. Однако в любом варианте, простом или составном, лексическое, вещественное значение ПО атрибутивно, а ее грамматическим значением является модальность [Грамматика русского языка 1954: 81]. Специальным (морфологическим) знаком модальности может выступать только глагол: полужнаменательный, отвлеченный или знаменательный; личный или безличный, или синтаксически независимый инфинитив. В целом ряде построений значение ПО, будучи предельно абстрактным, типизированным, обнаруживается парадигматически, ассоциативно — без специального материального выражения. Иными словами, мы допускаем существование в русском языке материально выраженной и функционально соотносительной с ней, материально не выраженной ПО. Заметим попутно, что понятие ПО не тождественно понятию структурного минимума предложения (последнее в настоящей статье специально не обсуждается, добавим только, что, на наш взгляд, субъектные позиции, открываемые ПО, должны быть включены в структурный минимум вместе с ПО).

Иллюстрируем понятие предикативно-атрибутивной основы примерами: 1) *Дует ветер*; 2) *Дует*; 3) *Ветер*; 4) *Приезжайте!* 5) *Стучат*; 6) *Городу расти*; 7) *Здесь дорога*; 8) *Решено начать строительство театра*; 9) *Вперед!*

В предложении 1) ПО представлена полнозначенательной глагольной словоформой “дует”, соответствующей традиционному понятию простого глагольного сказуемого; в 2) безличная (бесподлежащая) ПО, аналог простого глагольного сказуемого; в 4) и 5) личные бесподлежащие аналоги простых глагольных сказуемых: в 3), 7), 9) – материально нулевые ПО, функционально соотносительные с материально выраженными ПО в рядах типа: *Ветер, Был (будет) ветер, Был бы ветер, Быть ветру, Здесь была (будет), была бы дорога, Здесь быть дороге; Вперед! Идите (идем), едем (езжайте), направляйтесь (направляемся)* и т. п. *вперед!*; в 6) ПО – независимый инфинитив, носитель модальных значений долженствования, необходимости и других; в 8) составные ПО: нулевая связка – *решено начать*; ср.: *Решено (было, будет) начать строительство театра*.

Значение синтаксического субъекта (в соответствии с нашим исходным определением) могут иметь лишь субстантивные распространители ПО, а именно традиционные подлежащие, прямые и косвенные дополнения, изредка – неморфологизованные обстоятельства.

ПО, в синтаксическом окружении которых есть или возможны субъектные распространители и (или) грамматическая форма которых сама (без распространителя) содержит знак характеризуемого предмета, принадлежит субъектным предложениям.

ПО, в синтаксическом окружении которых невозможны субъектные распространители и грамматическая форма которых не содержит знака характеризуемого предмета, принадлежат бессубъектным предложениям.

Примеры субъектных предложений: *На дежурство пойду я; На дежурство идти мне; Ей хорошо; Она весела; Мальчика трясло от холода; Солдата ранило осколком; Ему не сидится; Журнал выписывает библиотека; Журнал выписывается библиотекой; Сейчас зима; Наступили холода; Скука; Скучно (мне, тебе, кому-либо, всем); Во дворе грязно; Двор грязен; Встать (тебе, всем)! Встаньте! Жить (мне тебе, всем) интересно; Жизнь – счастье.* Примеры бессубъектных предложений: *Светает; Вечереет; Смеркается; Морозит; Стало холодать.*

Бессубъектные предложения малочисленны и семантически однообразны, они обозначают преимущественно состояние среды, природы,

Грамматическую категорию синтаксического субъекта формируют ряды грамматически противопоставленных способов выражения носителя предикативного атрибута. Причем в этих рядах

каждый способ имеет свою функцию, свое значение, так или иначе конкретизирующее инвариантное отношение предмет – предикативный признак.

Главной оппозицией всех способов грамматического оформления названного отношения является, на наш взгляд оппозиция построений с прямым и косвенным субъектом, которую на содержательном уровне можно интерпретировать как противоположение субъекта, не отчужденного от предикативного атрибута, отчужденному субъекту, второй всегда пассивен, первый может быть активным (чаще) и пассивным.

Раскроем введенные понятия прямого и косвенного субъекта, ибо они не совпадают с понятиями именительного и косвенного падежей, хотя и опираются на это разграничение.

Прямым субъектом мы называем: а) значение носителя предикативного признака, выраженное предметной словоформой именительного падежа, синтаксически подчиняющего предикативно-атрибутивную основу (или как минимум один ее вспомогательный элемент, если она составная): *Я верю: цель будет достигнута*; б) обозначенный морфемой-окончанием носитель предикативного признака, содержащийся в самой ПО: *Звонили; Жди*; в) значение материально нулевого знака, замещаемого материально выраженным субъектом типа а): *Ковал детали, а выковал медали* (пословица) – ковал он (кто-то, человек, рабочий).

В любом варианте прямой субъект маркирует ПО субъектностью, т.е. “заставляет” предикативно-атрибутивную словоформу иметь или принимать ту или иную форму лица, числа, рода в соответствии со своим значением, со своими меняющимися субстанциональными характеристиками. Иначе говоря, при прямом субъекте ПО (или, по крайней мере, ее связочный, вспомогательный элемент) обязательно относится к ряду словоформ, отражающих своей флексией категории грамматического предмета.

Косвенным субъектом мы называем: а) значение носителя предикативного признака, выраженного предметной словоформой косвенного падежа, грамматически подчиненной ПО: *Ему не повезло; Воды прибавилось; Мелодия исполняется оркестром; Его знобило; Быть бычку на веревочке*; б) материально нулевой знак, замещаемый материально выраженным субъектом типа а): *Быть (мне, тебе, чему-либо) или не быть; И скучно, и грустно (мне, кому-либо); дремлет (ему); Стоять (всем)*!

В отличие от прямого субъекта косвенный субъект не маркирует ПО субъектностью, т.е. его категориальные субстанциональные изменения никак не отражаются на форме ПО. ПО, имею-

шая в своем окружении два субъекта (прямой и косвенный), содержит морфологический сигнал прямого субъекта и никак не сообщает о наличии косвенного:

а) *Мелодия исполняется оркестром*; б) *Оркестр исполняет мелодию* – в предложении а) косвенный субъект – словоформа *оркестром*, в предложении б) – *мелодию*, синтаксически ПО согласованы не с ними, а со словоформами *мелодия* и *оркестр*.

Отмеченное различие между прямым и косвенным субъектами существенно отражается на их роли в структуре предложения. Прямой субъект, подчиняя себе предикативный атрибут, определяя его форму, выступает в качестве центрального, организующего компонента структурного минимума предложения. В построениях же с косвенным субъектом абсолютно подчиняющее положение занимает либо предикативный атрибут (*Мне дремлет*; *Молнией зажгло дерево*; *Всем было весело*; *Не бывать войны пожару...*), либо другой субъект, если их при ПО не один (*Приказ подписан ректором*; *Ректор подписал приказ*). Косвенный субъект всегда занимает синтаксически периферийную, подчиненную позицию.

Продолжая сравнение прямого и косвенного субъектов, отметим, что прямой субъект – это специальный грамматический способ представления предметного или опредмеченного понятия в качестве носителя предикативного признака, в то время как косвенный субъект формально не маркирован: ни способом синтаксической связи с ПО, ни своей грамматической формой он не выражает идею “носитель предикативного признака”. Это, в частности, значит, что из возможного субстантивного окружения той или иной ПО не все косвенные падежи могут иметь значение носителя предикативного признака: *Я надеюсь на успех в этом деле* – ни словоформа *на успех*, ни *в деле*, подчиненные ПО *надеюсь*, по-видимому, не являются косвенными субъектами.

Возникает, естественно, вопрос, как же тогда обнаруживается компонент “носитель предикативного признака” в семантической структуре косвеннопадежных форм, подчиненных ПО?

Обнаруживается он парадигматически, а именно благодаря объективно существующему в русском языке отношению семантической мотивированности построений с косвенными падежами носителя предикативного признака построениями с прямыми формами субъекта (какая из них исторически или стилистически первична – не имеет значения). Это отношение позволяет при установлении субъектного значения косвенного припредикативного падежа прибегать к приему трансформаций и конструктивно-грамматических уподоблений предложений с разным строе-

нием, но близким или тождественным лексическим составом и объективным содержанием.

Например, в предложении *Его ранило осколком* субъектное значение двух зависящих от ПО падежей – *его* и *осколком* мотивируется синонимическими трансформами *Осколок ранил его* и *Он был ранен осколком*. Субъектное значение формы *в городе* из предложения *В городе чисто* проверяется и доказывается трансформом *Город чистый*.

Однако мы знаем, что иногда синонимические трансформации предложений могут быть запрещены нормой, они могут находиться за порогом правильности по причинам лексико-семантического характера. Как в этих случаях доказывать субъектность косвенно-падежных форм? В этих случаях можно использовать еще один прием парадигматического анализа – прием типологического отождествления грамматических значений одноструктурных, но лексически различающихся предложений, одно из которых не имеет запрета на прямосубъектную трансформацию, а другое имеет. Строим рассуждение по принципу: словоформа *мне* в предложении *Мне грустно* – косвенный субъект, что доказывается трансформом *Я грущу (грустна)*; такая же словоформа в предложении *Мне хорошо*, не проверяемая трансформацией, тоже косвенно-субъектна, потому что *Мне грустно* и *Мне хорошо* – грамматические тождества.

Наличие трансформационно-синонимических отношений между близкими по смыслу, но не тождественными построениями с прямым и косвенным субъектом создает возможность сознательного или неосознанного выбора, предпочтения той или иной конструкции в определенном высказывании. Выбор между прямым и косвенным субъектами осуществляет, пользуясь формами языка, сам говорящий: описываемой ситуацией (с одним или несколькими участниками) он не задан, не предопределен. Можно только утверждать, что преобладание в нашей речи прямосубъектных построений и их грамматически исходный (маркированный) характер свидетельствуют о преимущественном восприятии предмета и признака носителями русского языка в их единстве, с обязательным обозначением характеризуемой субстанции. Грамматически, как мы уже сказали, это выражается в подчиняющей, организующей роли субстанциональных категориальных признаков, т.е. грамматической предметности.

Построения же с косвенным субъектом, с выдвиганием в центр, в синтаксически подчиняющую позицию предикативного атрибута и (или) с помещением “в тень”, в синтаксически зависимую

от ПО позицию, субъекта – производителя действия семантически, а порою и стилистически избирательны. Они предпочитают в определенных ситуациях и стилях: при изображении произвольных состояний окружающей среды и человека, ради эмоционального представления необходимого, неизбежного или желательного, с целью выдвигания в центр высказывания объекта; при подчеркивании стихийности, непредвиденности события или изображении чего-то иррационального, непонятного.

Иными словами, абстрактное грамматическое значение, отличающее формы прямого и косвенного субъекта, значение неотчужденного – отчужденного от ПО способно многообразно варьироваться в зависимости от конкретных форм косвенносубъектных моделей предложения и их лексического наполнения. Изучение этого варьирования и, в частности, его оценка с точки зрения релевантности – предмет особого исследования. (Отчасти оно выполнено нами [Одинцова 1980: 94-104]).

Выводы. Синтаксический субъект (субъектность) – грамматическая категория тех простых предложений, в составе которых есть материально выраженная предикативно-атрибутивная основа или ее нулевой знак. В традиционном синтаксисе такие предложения относятся к разряду структурно членимых. Они могут быть полными или неполными, односоставными или двусоставными (в традиционном смысле), но в любом случае эти предложения строятся на базе слов знаменательных частей речи, слов с номинативной функцией.

Нечленимые предложения (*Да. Нет. Увы! До свидания! Ну? Хорошо!*), строящиеся на базе междометий, частиц, модальных слов, т.е. слов с сигнально-оценочной функцией, в оппозиции “субъектные – бессубъектные” предложения не участвуют.

Таким образом, коммуникативная функция, общий признак членимых и нечленимых предложений, по-разному осуществляется в тех и других построениях. В членимых главным условием реализации коммуникативной функции является наличие определенной конструктивно-грамматической базы, характеризующейся синтаксическими категориями модальности и субъектности (с ее противочленом – бессубъектностью). Субъектные предложения (они преобладают в нашей речи) образуют соотносительные ряды построений, различающихся способами выражения носителя (носителей) семантически тождественного предикативного атрибута или семантически близких атрибутов. Формально это оппозиция построений с прямым и косвенным субъектом, содержательно – субъекта, представленного в единстве с атрибутом,

и субъекта, отчужденного, грамматически абстрагированного от атрибута; “отчуждение” носителя предикативного признака от этого признака маркирует косвенный субъект семантикой пассивности; грамматическое единство субъекта и предикативного атрибута не маркирует субъект ни активностью, ни пассивностью, но активный субъект может быть выражен только в прямосубъектном сочетании.

Литература

Адамец П. К вопросу о синтаксической парадигматике // *Československá rusistika*. XI. 2. 1966.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Грамматика русского языка АН СССР. М., 1954. Т. II. Ч. 1.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова Н.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Одинцова М.П. Активность-пассивность субъекта – парадигматическая категория русского простого предложения // *Вопросы структуры и функционирования русского языка*. Томск, 1980.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. III.

Распопов И.П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике // *ВЯ*. 1969. № 4.

Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

Ружичка Р. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском языке // *ВЯ*. 1963. № 3.

Седельников Е.А. О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке // *Исследования по современному русскому языку*. М., 1970.

Шведова Н.Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? // *Русский язык за рубежом*. 1971. №4.

Юрченко В.С. О выражении субъекта в простом предложении // *РЯШ*. 1976. № 1.